

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.5>

UDC 903.222
LBC 63.44

Submitted: 30.05.2023
Accepted: 16.01.2024

ALTAI IN THE PRE-TURKIC PERIOD: HISTORICAL FATE OF THE NOMADS OF THE DYALYAN TRADITION OF RITUAL PRACTICE

Nikolay N. Seregin

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Sergey S. Matrenin

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract. The article presents the study of the Dyalyan tradition of ritual practice characteristic of one of the groups of the Bulan-Koby archaeological culture of Altai in the last quarter of the 1st millennium BC – the first half of the 1st millennium AD. The key features of this tradition are identified, the most significant of which is the burial of an individual oriented to the western sector of the horizon, accompanied by a horse laid “above” or “at the feet” of the buried individual. 45 similar burials localized in the northern and central Altai have been excavated to date. These burials demonstrate the features of the formation and evolution of the Dyalyan tradition throughout the entire period of the existence of the Bulan-Koby culture. This group of the population had the greatest importance in the pre-Turkic period (second half of the 4th – first half of the 5th centuries AD). New materials from the excavations of the Choburak-I necropolis, one of the demonstrative objects of which is published and analyzed in the article, confirm that in the nomads of Dyalyan tradition were representatives of the local elite in the Northern Altai. This is evidenced by the composition of the accompanying inventory from the studied burials which included advanced models of weapons and defensive armament, equipment for a person and a riding horse. The possibilities of reconstructing the historical fate of the Dyalyan tradition bearers are presented. It should be stressed that the characteristic features of the rite were not continued in the funeral practice of the early medieval Turks. The available rather fragmentary materials make it possible to outline the western direction of the migrations of the “Dyalyans” (probably as part of the Rouran community), as well as to make an assumption about their participation in the formation of certain population groups of the Srostki culture of the Forest-Steppe Altai.

Key words: Altai, Bulan-Koby culture, Dyalyan tradition, pre-Turkic period, funeral rite, chronology, ethno-cultural history.

Citation. Seregin N.N., Matrenin S.S., 2024. Altay v predtyurkskoe vremya: istoricheskie sud'by nositeley dyalyanskoy traditsii obryadovoy praktiki [Altai in the Pre-Turkic Period: Historical Fate of the Nomads of the Dyalyan Tradition of Ritual Practice]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 1, pp. 84-101. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.5>

УДК 903.222
ББК 63.44

Дата поступления статьи: 30.05.2023
Дата принятия статьи: 16.01.2024

АЛТАЙ В ПРЕДТЮРКСКОЕ ВРЕМЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ НОСИТЕЛЕЙ ДЯЛЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКИ

Николай Николаевич Серегин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Сергей Сергеевич Матренин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты изучения дялянкой традиции обрядовой практики, характерной для одной из групп населения булан-кобинской археологической культуры Алтая в последней

четверти I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. Определены ключевые признаки данной традиции, наиболее показательным из которых является захоронение умершего человека, ориентированного в западный сектор горизонта, в сопровождении лошади, уложенной «сверху» или «в ногах» покойного. К настоящему времени раскопаны 45 таких захоронений, локализованных в северной и центральной частях Алтая. Эти объекты демонстрируют особенности формирования и эволюции дялянкой традиции на протяжении всего периода существования булан-кобинской культуры. Наибольшее значение данная группа населения имела в предтюрокское время (вторая половина IV – первая половина V в. н.э.). Новые материалы раскопок некрополя Чобурак-I, один из показательных объектов которого опубликован и проанализирован в статье, подтверждают, что в обозначенный период «дялянцы» являлись представителями местной элиты Северного Алтая. Об этом свидетельствует состав сопроводительного инвентаря из исследованных погребений, включавший передовые образцы оружия и средств защиты, снаряжения человека и верхового коня. Представлены возможности реконструкции исторических судеб носителей дялянкой традиции. Принципиально важно, что характерные для них черты обряда не нашли продолжения в погребальной практике раннесредневековых тюрок. Имеющиеся пока довольно фрагментарные материалы позволяют наметить западное направление миграций «дялянцев» (вероятно, в составе жужанской общности), а также сделать предположение об их участии в процессах формирования отдельных групп населения сrostкинской культуры Лесостепного Алтая.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, дялянкая традиция, предтюрокское время, погребальный обряд, хронология, этнокультурная история.

Цитирование. Серегин Н. Н., Матренин С. С., 2024. Алтай в предтюрокское время: исторические судьбы носителей дялянкой традиции обрядовой практики // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 1. С. 84–101. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.5>

Введение

На сегодняшний день благодаря активным археологическим исследованиям сформирована обширная источниковая база, которая демонстрирует существование на Алтае в последней четверти I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. полиэтничного населения булан-кобинской культуры, сформировавшегося в результате смешения разных групп местных и пришлых кочевников [Мамадаков, 1990; Соенов, 1997]. Многокомпонентный состав номадов региона нашел достаточно яркое проявление в сложении нескольких довольно устойчивых традиций погребального обряда [Серегин, Матренин, 2016, с. 158–164]. Детальный анализ особенностей их развития имеет большое значение для понимания особенностей истории кочевников Алтая, в том числе их роли в процессах формирования общностей раннего средневековья.

В данной статье представлен опыт целостной интерпретации дялянкой традиции обрядовой практики кочевников булан-кобинской культуры, характерной для одной из групп населения Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. Ее выделение обосновано в работах археологов Алтайского государственного университета [Серегин, Матренин, 2016, с. 161–162 и др.], а также поддержано новосибирскими исследо-

вателями [Митько, 2018; Половников, 2018]. Важным поводом для обращения к этой теме на новом уровне стали результаты недавних раскопок некрополя Чобурак-I в Северном Алтае, который представляется возможным рассматривать как эталонный для изучения различных аспектов истории носителей дялянкой традиции. Публикация одного из показательных объектов данного памятника позволяет продемонстрировать общие и особенные характеристики погребального обряда и материальной культуры обозначенной группы населения. Значение новых материалов определяется также тем, что они относятся к предтюрокскому времени – периоду, который зафиксировал наиболее заметную роль «дялянцев» в исторических судьбах населения Алтая и сопредельных территорий.

Характеристика источников

Археологические комплексы, относящиеся к дялянкой традиции обрядовой практики населения булан-кобинской культуры, характеризуются достаточно устойчивым сочетанием следующих показателей: компактное расположение наземных конструкций; небольшая курганная насыпь овальной или округлой формы; однослойная выкладка-крепида из камней; неглубокая (до 1,5 м) и довольно уз-

кая (до 1 м) могильная яма; ингумация умершего человека головой в западный сектор горизонта (обычно с отклонением к северу); сопроводительное захоронение лошади, уложенной «сверху» или «в ногах» покойного и ориентированной головой в одном с ним направлении; различные погребальные камеры (колода, каменный или деревянный ящик и др.) или отсутствие таковых [Серегин, Матренин, 2016, с. 161–162].

К настоящему времени погребения дялянской традиции исследованы на нескольких некрополях (рис. 1). Впервые подобные объекты были раскопаны Ю.Т. Мамадаковым в Центральном Алтае. В 1987 г. на могильнике Улита (Онгудайский район Республики Алтай) археолог исследовал шесть могил, где кони размещались над людьми (преимущественно мужчинами), похороненными в незавершенных каменных ящиках (три случая), каменно-деревянном ящике (один случай), яме с перекрытием (один случай), а также без конструкций (один случай) на глубине до 1 метра. Умершие лежали вытянуто на спине, а лошади – на левом боку. Зафиксированы два неполных скелета животных: с отрубленными задними конечностями и без головы. В 1988 г. экспедицией под руководством Ю.Т. Мамадакова изучены шестнадцать курганов с признаками дялянской традиции на некрополе Бош-Туу-1, также в Онгудайском районе. В данных объектах лошади находились на перекрытии каменных (восемь случаев), деревянных (шесть случаев) и комбинированных (два случая) ящиков. Животные лежали на боку, преимущественно на левой стороне (12 случаев). Среди умерших были 15 мужчин и один подросток. Они лежали вытянуто на спине, иногда с завалом на левый бок. Материалы данных комплексов, относящихся к III–IV вв. н.э., остаются до сих пор не изданными [Мамадаков, 1990, с. 208, 213–218, 221–222, 224, 227].

Информативные источники получены в ходе работ на памятнике Дялян (Чемальский район Республики Алтай), осуществленных в 1989–1990-х гг. под руководством Ю.В. Тетерина [Тетерин, 1991]. На ставшем впоследствии эпонимным для рассматриваемой традиции комплексе вскрыты восемь курганов с «длинными» (3–4 м) могилами, глубиной 1–

1,5 метра. Лошади находились в юго-восточной части ям «в ногах» людей, на одном уровне с ними, а в одном случае (курган № 9) «сверху», перекрывая более половины тела покойного. Животные лежали в основном на левом боку (шесть случаев), иногда на животе (курган № 13) и на правом боку по антитезе к человеку, с вывернутой на северо-запад головой (курган № 7). Умершие (шесть мужчин и две женщины) похоронены на спине, вытянуто и с согнутыми ногами, либо с разворотом верхней части туловища на левый или правый бок. Погребальные камеры представлены каменными ящиками (курганы № 1, 6, 7, 13, 14), колодой (курган № 5), ямой без внутримогильных конструкций (курган № 9) [Митько, 2018, рис. 1, 2]. Обнаружен разнообразный комплекс вещей, показательный для кочевников Алтая предтюрокского времени (вторая половина IV – первая половина V в. н.э.) [Тетерин, 1995; 2004; и др.].

При раскопках некрополя Усть-Эдиган (Чемальский район Республики Алтай) в 1990–1993 гг. Ю.С. Худяковым исследованы три наиболее ранних объекта дялянской традиции, относящихся к хуннускому периоду (II в. до н.э. – I в. н.э.). Лошади располагались «в ногах», за каменным ящиком (курган № 33), а также «сверху» умерших людей, в яме с каменными плитами у торцевых стенок (курган № 29) и без каких-либо сооружений (курган № 86). Поза животных различна: на спине, левом и правом боку. Покойные (две женщины и один мужчина) лежали на левом боку либо на спине с разворотом верхней половины туловища налево, со слабо согнутыми ногами [Худяков, 1997, с. 151, рис. 1, 2; 1998, с. 164, рис. 20; и др.].

В 1991–1992 гг. на могильнике Чендек (Усть-Коксинский район Республики Алтай) горно-алтайскими археологами в полностью изученной курганной группе второй половины IV – первой половины V вв. н.э. зафиксированы два объекта (курганы № 2 и 10), в которых лошади лежали «сверху» людей (мужчина и женщина), погребенных вытянуто на спине в ямах без внутримогильных конструкций. Животные были размещены на правом боку [Соенов, Эбель, 1992, с. 10–11, 13, рис. 2, 12].

К сожалению, многие из обозначенных комплексов (рис. 1) остаются не опубликован-

ными и слабо известными специалистам. Кроме того, подобные объекты довольно немногочисленны по сравнению с погребениями, демонстрирующими другие выделенные традиции обрядовой практики населения буланкобинской культуры Алтая. В связи с этим актуальными представляются работы, направленные на введение в научный оборот новых качественных материалов, а также проведение сравнительного анализа и интерпретации всех имеющихся источников.

Анализ новых материалов

Одним из немногих полностью раскопанных памятников, демонстрирующих общие и особенные черты дялянской погребальной традиции, является некрополь Чобурак-I, расположенный на правом берегу р. Катунь, к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай (рис. 1,6). На данном комплексе экспедицией Алтайского госуниверситета под руководством одного из авторов статьи раскопаны десять курганов с «длинными» могилами, которые содержали ингумацию человека с лошадью, уложенной «в ногах» и «сверху» умерших [Серегин и др., 2019; и др.]. Животные были размещены на боку, преимущественно (семь случаев) на правой стороне. Умершие (восемь мужчин и две женщины) похоронены вытянуто на спине, в деревянных конструкциях и простых ямах. Представим ключевые характеристики исследованных захоронений некрополя Чобурак-I на примере одного из наиболее показательных объектов данного памятника.

Курган № 30а представлял собой плоскую каменную насыпь овальной формы размерами 4,1 × 3,0 м и высотой до 0,4 м с крепидой, ориентированной с северо-запада на юго-восток (рис. 2,А). В северо-западной половине могильной ямы, имевшей вытянуто-овальную форму, на глубине 0,9 м от уровня древнего горизонта прослежены остатки деревянной камеры (ящика или рамы?). Внутри нее зафиксирован скелет мужчины 30–40 лет (определения к.и.н. С.С. Тур) в анатомическом порядке¹. Умерший лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на северо-запад (рис. 2,Б). На покойного был положен сложносоставной лук, от которого сохранился комп-

лект костяных (роговых) накладок (рис. 3,1–5). Вдоль правой руки обнаружены меч с деталями ножен (рис. 3,14) и пять железных наконечников стрел (рис. 3,6–10). У левого запястья находились три костяных (роговых) наконечника (рис. 3,11–13). В области тазовых костей умершего выявлены две железных пряжки (рис. 4,13,14). Там же, в разных местах найдены железные крепления от ременных гарнитур (рис. 4,15,17–21). У левого бедра погребенного зафиксированы костяной (роговой) кант седельной луки (рис. 4,12, 5,1), а возле правой берцовой кости – костяная цурка (рис. 4,11, 5,7). В 0,3 м от левой берцовой кости покойного была размещена костяная деталь плети (рис. 4,16, 5,9).

В юго-восточной части могилы на глубине 0,8–0,92 м от уровня древнего горизонта находилось сопроводительное захоронение лошади, размещенной практически перпендикулярно скелету человека (рис. 2,Б). Животное лежало на левом боку с вытянутыми задними и согнутыми передними конечностями и вывернутой шеей, благодаря чему его голова была обращена лицевой частью на северо-запад. В челюстях лошади обнаружены железные удила с кольчатыми псалиями (рис. 4,1), а в разных местах около головы находились детали узды: две пряжки (рис. 4,2,5), пара бронзовых обкладок от «нагривника» (рис. 4,3,4, 5,6,8), фрагмент кожаного ремешка, декорированного четырьмя бронзовыми бляхами-накладками (рис. 4,9, 5,2–5). К элементам узды также относятся три железных бляхи-накладки (рис. 4,6–8), которые, по-видимому, сместились со своего первоначального места крепления на суголовье под давлением заполнения ямы. Кроме того, под головой лошади выявлена костяная (роговая) подпружная пряжка (рис. 4,10, 5,10).

Обнаруженные предметы инвентаря являются информативными для определения хронологии раскопанного погребения с учетом аналогий из археологических комплексов Алтая и сопредельных территорий первой половины I тыс. н.э.

К наиболее «поздним» предметам, показательным для установления датировки рассматриваемого захоронения предтюрокским временем, относятся однолезвийный меч без перекрестия и наверхия (рис. 3,14), же-

лезный трехлопастной наконечник стрелы с килевидным пером (рис. 3,9), крепления в виде железных восьмерковидных звеньев (рис. 4,15,21), бронзовые уздечные бляхи-накладки с округлым корпусом (рис. 4,9, 5,3–5), костяной (роговой) кант седельной луки (рис. 4,12, 5,1), костяная (роговая) цурка с несомкнутой прорезью (рис. 4,11, 5,7), костяная деталь плети в виде массивной трубочки (рис. 4,16, 5,9), возможно, бронзовые обкладки нагривника (рис. 4,3,4, 5,6,8). Обозначенные изделия имеют довольно многочисленные аналогии в памятниках второй половины IV – первой половины V в. н.э. [Бобров и др., 2003, рис. 13,24,25,61–70; Горбунов, 2006, с. 59, 111; Матренин, 2017, с. 25; Тишкин и др., 2018, табл. 39,3,4; и др.].

В рамках второй половины III – V в. н.э. датируются железные удила с круглыми псалиями малого диаметра (рис. 4,1), уздечная пряжка с трапецевидной рамкой (рис. 4,5), подпружная костяная пряжка с подвижным язычком (рис. 4,10, 5,10), костяной наконечник стрелы с зажимным насадом и пятиугольным пером [Тетерин, 2004, рис. 7,14,15; Матренин, 2017, с. 48; Тишкин и др., 2018, с. 115–117; и др.].

Более широкий период бытования имеют железные трехлопастные наконечники стрел с ассиметрично-ромбическим (рис. 3,6, 7,10) и шестиугольным (рис. 3,8) пером с кольцевым упором (III–V вв. н.э.), железные поясные пряжки с подвижным язычком и пластинчатым щитком-полубоймой (рис. 4,13,14) (III–V вв. н.э.), уздечные бляхи-накладки из железных пластин с одним округлым краем (рис. 4,6–8) (II–V вв. н.э.), костяные (роговые) наконечники стрел с черешковым насадом (рис. 3,11,12) (не ранее II в. н.э.), сохранившиеся костяные (роговые) накладки составного лука (рис. 3,1–5) (II в. до н.э. – V в. н.э.) [Горбунов, 2006, с. 29–30, 38–39; Матренин, 2017, с. 30–31, 34, 42, 47–48; Тишкин и др., 2018, с. 49, 54, 114; и др.].

Качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря позволяет утверждать, что мужчина, похороненный в кургане № 30а, обладал достаточно высоким статусом в социально-имущественной и воинской иерархии скотоводов, оставивших могильник Чобурак-I. Данный индивид, по-видимому, вхо-

дил в ближайшее окружение военных предводителей, из которого формировался высший командный состав средне- и тяжело вооруженной конницы. В данном контексте необходимо отметить, что население Алтая в эпоху Великого переселения народов помещало мечи в захоронения военачальников или особо отличившихся профессиональных воинов (дружинников) [Горбунов, 2006, с. 74; Серегин, Матренин, 2020, с. 39, 91, 93–94, 109, 110].

Обсуждение результатов

С учетом новых материалов некрополя Чобурак-I на сегодняшний день раскопаны 45 погребений дялянской традиции, локализованных на шести археологических памятниках. Рассматриваемые объекты происходят из Северного (21 могила) и Центрального (24 могилы) Алтая. Судя по имеющимся данным, носители дялянской традиции проживали в обозначенных частях региона на протяжении всего периода существования булан-кобинской культуры – со II в. до н.э. по V в. н.э.

Реконструкция процессов сложения группы населения, оставившей рассматриваемые комплексы, требует обращения к материалам, полученным в ходе раскопок археологических памятников хуннского (II в. до н.э. – I в. н.э.) и предшествующего скифо-сакского (вторая половина VI – III в. до н.э.) времени в контексте сравнения показателей, характеризующих планиграфию, погребальные сооружения и способ ингумации. Принимая во внимание имеющийся опыт исследований в этом направлении [Серегин, Матренин, 2016, с. 135–147], можно обоснованно утверждать, что большинство признаков объектов дялянской традиции не характерны для населения пазырыкской культуры. Отдельные черты (ориентировка человека и верхового коня в одну сторону, в том числе в западный сектор горизонта, труположение на спине, погребальные камеры в виде каменных и деревянных ящиков и колод) известны на Алтае в скифо-сакский период, но отличаются иной частотой и характером взаимной встречаемости.

Принципиально важным для изучения генезиса дялянской традиции является анализ оформления сопроводительного захоронения лошади. Сформированный на сегодняшний

день корпус археологических источников дает основания полагать, что ритуал размещения животного в могиле «сверху» или в «ногах» человека имеет наиболее вероятные истоки в погребальной практике скотоводов Верхнего Прииртышья VIII–III вв. до н.э., оставивших памятники кула-жургинского типа [Самашев, 1987, с. 102–103; Боковенко, Заднепровский, 1992, с. 144–145]. При этом данный вариант оформления сопроводительного захоронения сформировался там без участия «пазырыкцев», размещавших верхового коня всегда сбоку от умершего вдоль северной стенки ямы [Боковенко, Заднепровский, 1992, с. 145; Марсадолов, 2000, с. 36–37, 48, табл. 4]. При этом погребения с лошастью в одной яме у заднего борта могилы встречаются в майэмирских памятниках северных и северо-западных предгорий Алтая конца VII – первой половины VI в. до н.э., а над внутримогильной конструкцией – в ранних комплексах быстрианской культуры [Савинов, 1987, с. 22–23; Шульга, 2003, с. 523, рис. 2]. В связи с этим нельзя исключать, что на сложение комплекса характеристик обрядовой практики «дялянцев» также могли оказать влияние потомки носителей майэмирской культуры. Принимая во внимание известные материалы из памятников Алтая хуннуского времени (II в. до н.э. – I в. н.э.), следует предположить, что одним из компонентов при формировании дялянской традиции были «яломанцы», которые являлись элитой кочевников Центрального Алтая. Данная группа булан-кобинского населения хоронила с лошастью «сверху» и частично «в ногах» покойных, но с ориентировкой головой в восточный сектор горизонта. Такие погребения исследованы на ряде памятников Центрального Алтая (Яломан-II, Булан-Кобы-IV, Сары-Бел и др.), составляя около четверти раскопанных объектов в этой части региона. Захоронения яломанской традиции относятся к разным этапам булан-кобинской культуры со II в. до н.э. по V в. н.э. (см. более подробную характеристику: [Серегин, Матренин, 2016, с. 160–161]).

Изучение имеющихся археологических источников позволяет наметить направления развития дялянской традиции. Наиболее значимым было изменение местонахождения лошади от преимущественного положения

«сверху» человека (как правило, на перекрытии погребальной камеры) во II в. до н.э. – первой половине IV в. н.э. к размещению животного «в ногах» (обычно за торцевой стенкой ящика или колоды) во второй половине IV – V в. н.э. Результатом данного процесса стало сооружение вытянутых могильных ям длиной 3–4 м, в которых конь мог лежать как на одном уровне, так и выше покойного. В сложившемся виде такой обряд зафиксирован у «дялянцев» Северного Алтая, оставивших могильники Дялян и Чобурак-I. Общим проявлением эволюции рассматриваемой традиции стал также переход к труположению умерших людей вытянуто на спине, который стал почти единственным во II–V вв. н.э.

Фиксируемое у носителей дялянской традиции разнообразие устройства погребальных камер, традиционно рассматриваемых в качестве важного этнокультурного и хронологического показателя для многих обществ, нашло проявление даже в рамках некрополей с синхронными захоронениями. В обобщенной серии рассматриваемых объектов (45) количественное распределение видов погребальных камер выглядит следующим образом: 14 (31 %) каменных ящиков, 11 (24,4 %) деревянных ящиков, 9 (20 %) ям без внутримогильных конструкций, 4 (8,8 %) имитации ящика в виде отдельных плит, 3 (6,6 %) колоды, 3 (6,6 %) каменно-деревянных ящика, 1 (2,2 %) яма с деревянным перекрытием. Определенная вариативность наблюдалась и в отношении позы лошадей. Например, в объектах могильников Улита, Бош-Туу-I, Дялян животные лежали почти исключительно на левом боку, тогда как в захоронениях памятников Чобурак-I и Чендек – преимущественно на правом боку.

Обнаруженные в погребениях дялянской традиции категории сопроводительного инвентаря отражают общие тенденции эволюции материальной культуры населения Алтая на протяжении последней четверти I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э., связанные с местной переработкой передовых образцов вооружения, снаряжения и экипировки верхового коня кочевников Центральной и Средней Азии. Совершенно очевидно, что «дялянцы» были включены во все важные сферы жизни булан-кобинского общества – яйлажное скотовод-

ство горно-долинного типа, ремесленное производство, военное дело. Судя по зафиксированным посмертным травмам на костях посткраниальных скелетов, мужчины локальной группы, оставившей некрополь Чобурак-I, участвовали в вооруженных конфликтах.

Носители дялянкой традиции находились в тесном взаимодействии с другими группами «булан-кобинцев», что подтверждается присутствием на многих памятниках объектов с разным обрядом. При этом обособленно выглядят коллективы, хоронившие на некрополях Дялян и Чобурак-I, где не были обнаружены погребения с другим ритуалом. Принимая во внимание имеющиеся антропологические определения, отметим, что на большинстве комплексов (Дялян, Усть-Эдиган, Чендек, Чобурак-I) среди «дялянцев» были взрослые лица обоего пола и только в составе могильников Бош-Туу-I и Улита раскопаны исключительно погребения мужчин. При этом разница между мужскими и женскими захоронениями заключалась лишь в наборе вещей.

Результаты реконструкции социальной организации населения Алтая показывают, что локальные группы «дялянцев» имели неодинаковый статус в этносоциальной стратификации булан-кобинского общества на разных этапах его истории [Серегин, Матренин, 2020, с. 123–130]. В хуннское время (II в. до н.э. – I в. н.э.) они входили в привилегированный, средний и нижний слои социума кочевников Северного Алтая, а в предтюркский период (вторая половина IV – первая половина V в. н.э.) стали там местной элитой. В Центральной Алтае во II–V вв. н.э., судя по известным на сегодняшний день материалам, «дялянцы» составляли в основном рядовое население.

Большой интерес представляет изучение исторических судеб носителей дялянкой традиции, на определенном этапе тесно связанных с существовавшим в Центральной Азии Жужанским каганатом (359–552 гг. н.э.). Имеются основания для предположения о том, что в рамках булан-кобинской «племенной конфедерации» отдельные элитные группы населения, в том числе «дялянцы», были лояльны к жужаням и находились в тесных контактах с ними. Косвенным подтверждением этому

можно считать присутствие в погребениях кочевников Алтая второй половины IV – первой половины V в. н.э. передовых образцов оружия и средств защиты, снаряжения человека и верхового коня, связанных своим происхождением с центрально-азиатским регионом (отдельные типы наконечников стрел, железные доспехи, седла с твердым остовом, цурки, некоторые типы украшений). Вероятно, во второй половине V – начале VI в. н.э. «дялянцы» были включены в состав формирующейся этнополитической общности тюрков. При этом отсутствие у последних практики размещения в могиле лошади в «ногах» или «сверху» человека демонстрируют определенную дистанцию в контактах с носителями дялянкой традиции. Специфика оформления конских захоронений собственно у тюрков (положение животного сбоку от умершего, на одном уровне с ним или на невысокой приступке, ориентировка в противоположную от человека сторону, поза лошади на животе) свидетельствует об иных генетических истоках данного ритуала, которые могли восходить к берельской традиции погребального обряда населения булан-кобинской культуры [Серегин, Матренин, 2016, с. 163].

Одним из результатов коренных изменений политической ситуации в Центральной Азии (ослабление жужаней и образование в середине VI в. н.э. Первого тюркского каганата) стало вовлечение элиты населения булан-кобинской культуры, среди которых, очевидно, были носители дялянкой традиции, в миграционный поток в западном направлении. Отражением данного переселения (в составе жужанской общности?) можно считать появление во второй половине VI – VII в. н.э. в восточно-европейских степях (Панонния, Приазовье) могил с лошадьё и отдельными частями ее туши, уложенных в «длинных» ямах с западной и северо-западной ориентировкой и размещенных в ногах покойных на одном уровне [Митько, 2018, с. 32–33, рис. 7, 8].

Еще одну линию истории носителей дялянкой традиции позволяют наметить археологические материалы раннего средневековья Алтайской лесостепи и предгорной зоны Алтая. Аргументом для ее выделения являются «не стандартные» объекты конца VI – начала VIII в. н.э., раскопанные на некрополе

Горный-10, в которых лошади находились сбоку от человека, за головой, под умершим, ориентированной головой на северо-запад [Абдулганеев, 2001, с. 128; Серегин и др., 2019, с. 19, рис. 2; и др.]. Обозначенные черты, расходящиеся с канонам обрядности раннесредневековых тюрков, дают основание допускать существование в середине I тыс. н.э. контактов населения северных предгорий Алтая с носителями булан-кобинской культуры, практиковавшими несколько вариантов ингумации с конем. Судя по имеющимся археологическим материалам из Верхнего Приобья, такое взаимодействие началось уже во второй половине IV – начале V в. н.э. [Горбунов, 2003, с. 38–39]. Таким образом, особенности захоронения с лошадьми в памятниках единцовской культуры нельзя напрямую связывать с тюрками и рассматривать их как свидетельство тюркизации региона в VI–VII вв. н.э. Имеются основания для предположения о том, что потомки «дялянцев», смешавшиеся с племенами единцовской культуры Верхнего Приобья, могли стать одним из компонентов в формировании группы населения сrostкинской культуры, оставившей могильник Иня-1 в Шелаболихинском районе Алтайского края. На сегодняшний день это самый ранний некрополь обозначенной общности и единственный комплекс, в котором массово представлены погребения с лошадьми, уложенными в «ногах» умерших людей в углубленной части ямы [Уманский, 1970, с. 50–63; Горбунов, 2020, с. 31–33].

Допустимость предложенных археолого-исторических реконструкций косвенно подтверждается спецификой сложения «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрков. Судя по имеющимся материалам, его формирование произошло в середине – второй половине VI в. н.э. в результате появления на Среднем Енисее группы населения, происхождение которой связано с носителями айрыдашской погребальной традиции булан-кобинской культуры, вошедшими в состав каганата [Серегин, Матренин, 2016, с. 181]. По письменным источникам хорошо известно, что значительную часть войска тюрков составляли в разной степени зависимые группы населения, включенные в империю кочевников. Для примера можно при-

вести часто цитируемый фрагмент китайской династийной хроники, сообщающий о том, что тюрки «геройствовали в пустынях севера» силами многочисленных племен теле [Бичурин, 1950, с. 301].

Понимая различность представленных процессов межэтнического взаимодействия и неизбежный схематизм подобных построений, отметим, что общим важным пунктом этих рассуждений является предположение о возможности сохранения отдельных численно небольших групп «булан-кобинцев» на начальных этапах истории раннесредневековых тюрков, а также их вынужденное переселение с территории своего первоначального проживания в Алтайской горной стране.

Заключение

Проведенное исследование объектов дялянкой погребальной традиции булан-кобинской культуры Алтая, в том числе анализ новых материалов эталонного и полностью раскопанного комплекса предтюркского времени (вторая половина IV – первая половина V в. н.э.) памятника Чобурак-I, показывает, что ее носители генетически не связаны с местными племенами предшествующего скифо-сакского времени. Изучение археологических источников предоставляет основания для предположения о том, что в формировании данной традиции активное участие приняли «яломанцы», появление которых на Алтае наиболее четко фиксирует приход нового этнокультурного компонента в хуннское время, вероятно, родственного племенам Верхнего Приртышья. На сложение комплекса характеристик обрядовой практики «дялянцев» также могли оказать влияние потомки населения майэмирской культуры. Принципиально важным для понимания происхождения и развития дялянкой традиции является такой признак обряда, как оформление сопроводительного захоронения лошади, уложенной «в ногах» или «сверху» человека, не имеющий аналогов в пазырыкской культуре и не получивший продолжения у тюрков центрально-азиатского региона.

Исторические судьбы носителей рассматриваемой традиции обрядовой практики были связаны с существовавшим в Централь-

ной Азии Жужанским каганатом. Во второй половине IV – начале V в. н.э. «дялянцы» стали элитой общества кочевников Северного Алтая, а после появления в данном регионе нового населения (легендарных семейств Ашина?) в середине – второй половине V в. н.э. они вошли в состав этнополитической общности тюрков. В дальнейшем потомки «дялянцев» при участии племен одинцовской культуры Верхнего Приобья и родственного им населения предгорий Алтая оказались вовлечены в процессы этногенеза раннесредневековых народов Алтайской лесостепи. Значительный интерес представляет изучение пока еще слабо представленного в археологических материалах «западного» направления движения носителей дялянской традиции. Учитывая возможные контакты «дялянцев» с жужанями, не исключено, что материалы раскопок некрополей Ал-

тая предтюркского времени станут одним из важных звеньев в рамках решения теперь уже «классической» проблемы центральноазиатского происхождения авар. Особую актуальность в этом плане имеют палеогенетические исследования, которые при достаточном объеме данных позволят определить степень близости рассматриваемых групп населения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Мужчина имел зажившую резаную рану длиной порядка 30 мм на левом лобном бугре черепа. У покойного отсутствовала кисть левой руки, при этом четко фиксировались следы разрушения дистальных концов левой лучевой и локтевой костей. Данная травма (отсечение части конечности) была нанесена, скорее всего, клинковым рубяще-режущим оружием типа меча.

Рис. 4. Снаряжение верхового коня и человека из погребения кургана № 30а некрополя Чобурак-I
(рисунки выполнены И.А. Чудилиным):

1 – удила, псалии; 2, 5 – уздечные пряжки; 3, 4 – обкладки нагривника; 6–8 – уздечные бляхи;
9 – уздечные бляхи с фрагментом ремня; 10 – подпружная пряжка; 11 – цурка; 12 – седельный кант;
13, 14 – поясные пряжки; 15, 17–21 – крепления от ременной гарнитуры; 16 – деталь плети
(1, 2, 5–8, 13–14, 17–21 – железо; 3, 4 – бронза; 9 – бронза, кожа; 10–12, 16 – кость (рог); 15 – железо, ткань)

Fig. 4. Equipment of the riding horse and the buried individual from the burial of the kurgan No. 30a
of the Choburak-I necropolis (the drawings by I.A. Chudilin):

1 – bits, cheek-pieces; 2, 5 – bridle buckles; 3, 4 – lining of the neck plate; 6–8 – bridle plaques;
9 – bridle plaques with a fragment of a belt; 10 – spring buckle; 11 – turk; 12 – saddle edge; 13, 14 – belt buckles;
15, 17–21 – fastenings from a belt set; 16 – detail of the whip
(1, 2, 5–8, 13–14, 17–21 – iron; 3, 4 – bronze; 9 – bronze, leather; 10–12, 16 – bone (horn); 15 – iron, textile)

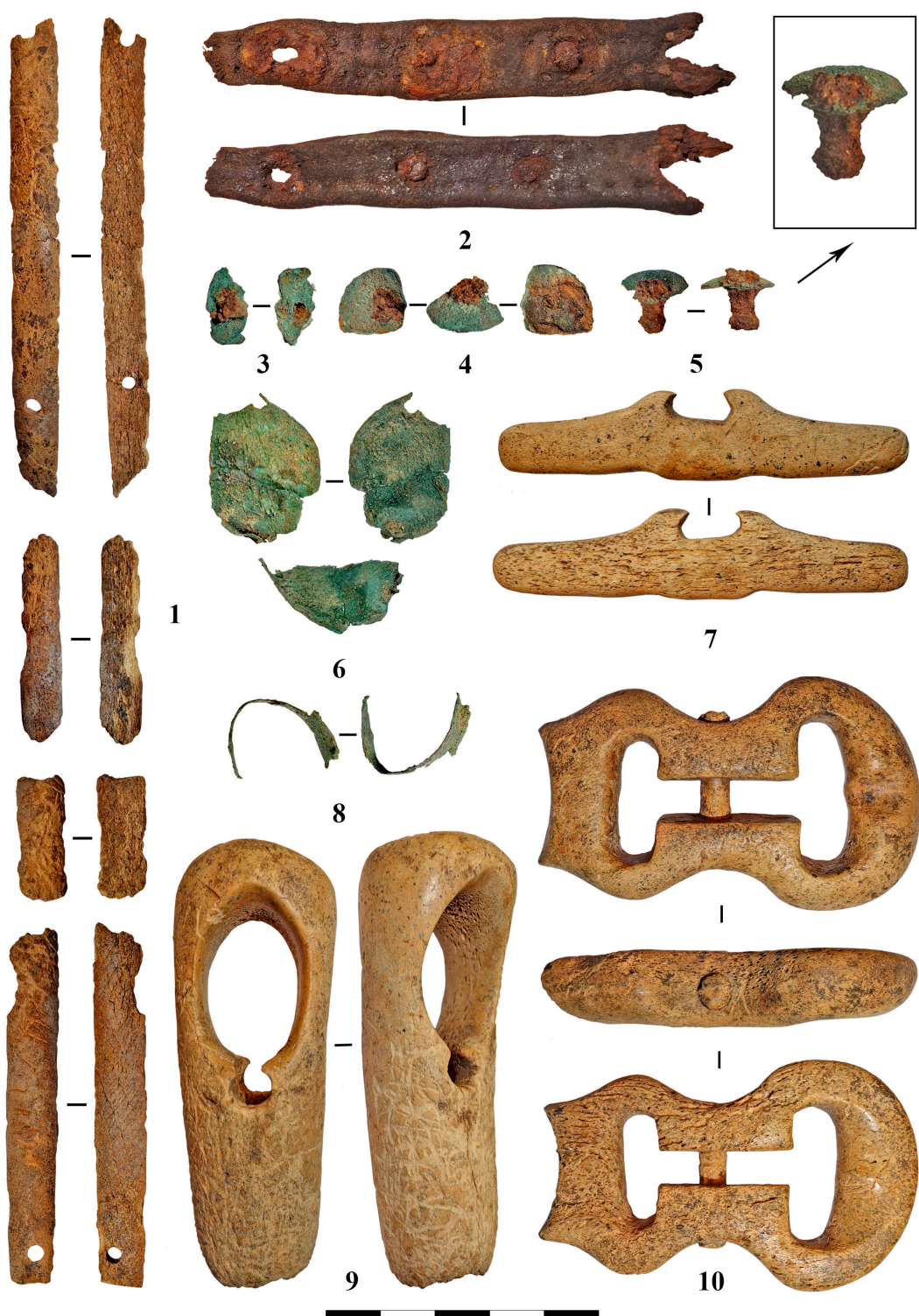

Рис. 5. Отдельные категории предметного комплекса из погребения кургана № 30 некрополя Чобурак-I (фото Н.Н. Серегина):

1 – седельный кант; 2 – фрагмент уздечного ремня; 3–5 – уздечные бляхи; 6, 8 – обкладки нагривника; 7 – цурка; 9 – деталь плети; 10 – подпружная пряжка (1, 7, 9, 10 – кость (рог); 2 – кожа; 3–5 – бронза, железо; 6, 8 – бронза)

Fig. 5. Separate categories of grave goods from the burial of the kurgan No. 30 of the Choburak-I necropolis (photo by N.N. Seregin):

1 – saddle edging; 2 – a fragment of a bridle belt; 3–5 – bridle plaques; 6, 8 – lining of the neck plate; 7 – turk; 9 – detail of the whip; 10 – girth buckle (1, 7, 9, 10 – bone (horn); 2 – leather; 3–5 – bronze, iron; 6, 8 – bronze)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулганеев М. Т., 2001. Могильник Горный 10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории*. Томск : Изд-во ТГУ. С. 128–131.
- Бичурин Н. Я., 1950. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 380 с.
- Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А., 2003. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН. 224 с.
- Боковенко Н. А., Заднепровский Ю. А., 1992. Ранние кочевники Восточного Казахстана // *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. М. : Наука. С. 140–148.
- Горбунов В. В., 2003. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // *Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 37–42.
- Горбунов В. В., 2006. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 232 с.
- Горбунов В. В., 2020. Сопроводительные захоронения животных на могильнике Иня-1 в Барнаульском Приобье // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. Вып. XXVI. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 30–36.
- Мамадаков Ю. Т., 1990. *Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.* : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 317 с.
- Марсадоллов Л. С., 2000. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры) : автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб. 56 с.
- Матренин С. С., 2017. *Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.)*. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 142 с.
- Митько О. А., 2018. Археологические свидетельства миграции алтайских племен в восточноевропейские степи в конце первой половины I тыс. н.э. // *Актуальные вопросы изучения историко-культурного наследия народов Евразии*. Астана : Евраз. нац. ун-т им. Л.Н. Гумилева. С. 26–39.
- Половников И. С., 2018. Дялянская традиция погребения с конем гунно-сарматского времени в Горном Алтае // *Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты*. Омск : Издатель-Полиграфист. С. 135–136.
- Савинов Д. Г., 1987. *Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири* : дис. ... д-ра ист. наук. Л. 245 с.
- Самашев З. С., 1987. Памятники кулажургинского типа // *Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС*. Алма-Ата : Наука. С. 95–114.
- Серегин Н. Н., Абдулганеев М. Т., Степанова Н. Ф., 2019. Погребение с двумя лошадьми эпохи Тюркских каганатов из некрополя Горный-10 (Северный Алтай) // *Теория и практика археологических исследований*. № 2. С. 15–34.
- Серегин Н. Н., Матренин С. С., 2016. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 272 с.
- Серегин Н. Н., Матренин С. С., 2020. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 268 с.
- Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С., 2019. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-1) // *Теория и практика археологических исследований*. № 4. С. 51–68.
- Соенов В. И., 1997. Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул. 22 с.
- Соенов В. И., Эбель А. В., 1992. *Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуне*. Горно-Алтайск : ГАГ-ПИ. 116 с.
- Тетерин Ю. В., 1991. Могильник Дялян – новый памятник предтюркского времени Горного Алтая // *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 155–157.

- Тетерин Ю. В., 1995. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 131–135.
- Тетерин Ю. В., 2004. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1. Новосибирск : НГУ. С. 37–82.
- Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В., 2018. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 368 с.
- Уманский А. П., 1970. Археологические памятники у с. Иня // Известия Алтайского отдела географического общества СССР. Вып. 11. С. 45–74.
- Худяков Ю. С., 1997. Новые находки хуннского времени из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск : ГАИГИ. С. 145–155.
- Худяков Ю. С., 1998. Раскопки могильника Усть-Эдиган в 1990 году // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово ; Гурьевск : Изд-во КузГТУ. С. 160–206.
- Шульга П. И., 2003. Могильник Гилево-10 как памятник финала раннескифского времени // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН. Т. IX. Ч. I. С. 521–527.

REFERENCES

- Abdulganeev M.T., 2001. Mogil'nik Gornyy 10 – pam'atnik drevneturkskoy epohi v severnyh predgor'yah Altaja [Burial Ground Gorny 10 – A Monument of the Ancient Turkic Era in the Northern Foothills of Altai]. *Prostranstvo kul'tury v arheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii* [The Space of Culture in the Archaeological and Ethnographic Dimension. Western Siberia and Adjacent Territories]. Tomsk, TSU, pp. 128-131.
- Bichurin N.Ya., 1950. *Sobranie svedeniy o narodah, obitavshih v Sredney Azii v drevnie vremena* [Collection of Information About the Peoples who Lived in Central Asia in Ancient Times]. Vol. 1. Moscow, Leningrad, AS USSR. 380 p.
- Bobrov V.V., Vasutin A.S., Vasutin S.A., 2003. *Vostochnyy Altay v epohu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII veka)* [Eastern Altai in the Era of the Great Migration of Peoples (III–VII Centuries)]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 224 p.
- Bokovenko N.A., Zadneprovskiy Yu.A., 1992. Rannie kochevniki Vostochnogo Kazakhstana [Early Nomads of East Kazakhstan]. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vrem'a* [The Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 140-148.
- Gorbulov V.V. Processy tjurkizatsii na juge Zapadnoj Sibiri v rannem srednevekov'e [Processes of Turkization in the South of Western Siberia in the Early Middle Ages]. *Istoricheskij opyt hozjajstvennogo i kul'turnogo osvoenija Zapadnoj Sibiri* [Historical Experience of Economic and Cultural Development of Western Siberia]. Barnaul, ASU, pp. 37-42.
- Gorbulov V.V., 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Chast' II. Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie)* [Military Affairs of the Population of Altai in the III–XIV Centuries. Part II. Offensive Weapons]. Barnaul, ASU. 232 p.
- Gorbulov V.V., 2020. Soprovoditel'nye zahoroneniya zhivotnyh na mogil'nike Inya-1 v Barnaul'skom Priob'e [Accompanying Animal Burials at the Inya-1 Burial Ground in the Barnaul Ob Region]. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Iss. XXVI. Barnaul, ASU, pp. 235-243.
- Mamadakov Yu.T., 1990. *Kul'tura naseleniya Central'nogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.e.: dis. ... kand. ist. nauk* [Culture of the Central Altai Population in the First Half of the 1st Millennium AD. Cand. hist. sci. diss.]. Novosibirsk. 317 p.
- Marsadolov L.S., 2000. *Arheologicheskie pam'atniki IX–III vv. do n.e. gornyh rayonov Altaya kak kul'turno-istoricheskij istochnik (fenomen pazyrykskoy kul'tury): avtoref. dis. ... d-ra kulturologii* [Archaeological Sites of the 9th – 3rd Centuries BC in Mountainous Regions of Altai as a Cultural and Historical Source (A Phenomenon of the Pazyryk Culture). Doct. cult. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 56 p.
- Matrenin S.S., 2017. *Snaryazhenie kochevnikov Altaya (II v. do n.e. – V v. n.e.)* [Equipment of the Nomads of Altai (II Century BC – V Century AD)]. Novosibirsk, SB RAS. 142 p.

- Mit'ko O.A., 2018. Arheologicheskie svidetel'stva migratsii altayskikh plemen v vostochnoevropeyskie stepi v kontse pervoy poloviny I tys. n.e. [Archaeological Evidence of the Migration of the Altai Tribes to the Eastern European Steppes at the End of the First Half of the 1st Millennium AD]. *Aktual'nye voprosy izucheniya istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Evrazii* [Archaeological Evidence of the Migration of the Altai Tribes to the Eastern European Steppes at the End of the First Half of the 1st Millennium AD.]. Astana, ENU, pp. 26-39.
- Polovnikov I.S., 2018. D'al'anskaya traditsiya pogrebeniya s konem gunno-sarmatskogo vremeni v Gornom Altae [Dyalyan Tradition of Burial with a Horse of the Hunno-Sarmatian Period in the Altai Mountains]. *Drevnie i traditsionnye kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka: problemy, gipotezy, fakty* [Ancient and Traditional Cultures of Siberia and the Far East: Problems, Hypotheses, Facts]. Omsk, Izdatel'-Poligrafist Publ., pp. 135-136.
- Savinov D.G., 1987. *Formirovanie i razvitie rannesrednevekovykh arheologicheskikh kul'tur Yuzhnoy Sibiri: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Formation and Development of Early Medieval Archaeological Cultures of South Siberia. Doct. hist. sci. abs. diss.]. Leningrad. 245 p.
- Samashev Z.S., 1987. Pamatniki kulazhurginskogo tipa [Monuments of the Kulazhurga Type]. *Arheologicheskie pamyatniki v zone zatopeniya Shul'binskoy GES* [Archaeological Sites in the Flood Zone of the Shulbinskaya GES]. Alma-Ata, Nauka Publ., pp. 95-114.
- Seregin N.N., Abdulganeev M.T., Stepanova N.F., 2019. Pogrebenie s dvumya loshad'mi epohi Turkskikh kaganatov iz nekropol'a Gornyy-10 (Severnnyy Altay) [Burial with Two Horses from the Era of the Turkic Khaganates from the Gorny-10 Necropolis (Northern Altai)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], no. 2, pp. 15-34.
- Seregin N.N., Matrenin S.S., 2016. *Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e.* [The Funeral Rite of the Nomads of Altai in the II Century BC – XI Century AD]. Barnaul, ASU. 272 p.
- Seregin N.N., Matrenin S.S., 2020. *Sotsial'naya istoriya naseleniya Altaya v epohu kochevykh imperiy (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arheologicheskikh kompleksov* [Social History of the Population of Altai in the Era of Nomadic Empires (II Century BC – XIV Century AD). Based on Materials from Archaeological Complexes]. Barnaul, ASU. 268 p.
- Seregin N.N., Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S., 2019. Pogrebenie zhuzhanskogo vremeni iz Severnogo Altaya (po materialam mogil'nika Choburak-I) [Burial of the Rouran Period from Northern Altai (Based on Materials from the Choburak-I Burial Ground)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], no. 4, pp. 51-68.
- Soenov V.I., 1997. *Pogrebal'nyy obryad naseleniya Gornogo Altaya v gunno-sarmatskuyu epohu: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Funeral Rite of the Population of Gorny Altai in the Hun-Sarmatian Era. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Barnaul. 22 p.
- Soenov V.I., Ebel' A.V., 1992. *Kurgany gunno-sarmatskoy yepohi na Verhney Katuni* [Mounds of the Hunno-Sarmatian Era on the Upper Katun]. Gorno-Altaysk, GASPI. 116 p.
- Teterin Yu.V., 1991. Mogil'nik D'al'an – novyy pam'atnik predturkskogo vremeni Gornogo Altaya [The Dyalyan Burial Ground is a New Monument of the pre-Turkic Period of Gorny Altai]. *Problemy hronologii i periodizatsii arheologicheskikh pam'atnikov Yuzhnoy Sibiri* [Problems of Chronology and Periodization of Archaeological Sites in Southern Siberia]. Barnaul, ASU, pp. 155-157.
- Teterin Yu.V., 1995. Poyasnye nabory gunno-sarmatskoy epohi Gornogo Altaya [Belt Sets of the Hun-Sarmatian Era of Gorny Altai]. *Problemy ohrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya* [Problems of Protection, Study and Use of the Cultural Heritage of Altai]. Barnaul, ASU, pp. 131-135.
- Teterin Yu.V., 2004. Vooruzhenie kochevnikov Gornogo Altaya berel'skoy epohi [Armament of the Nomads of the Altai Mountains of the Berel era]. *Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Military Affairs of the Peoples of Siberia and Central Asia]. Iss. 1. Novosibirsk, NGU, pp. 37-82.
- Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V., 2018. *Altay v syan'biysko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka)* [Altai in the Xianbei-Rouran Time (Based on Materials from the Stepushka Site)]. Barnaul, ASU. 368 p.
- Umanskiy A.P., 1970. Arheologicheskie pamyatniki u s. Inya [Archaeological Sites near Inya]. *Izvestiya Altayskogo otdela geograficheskogo obshchestva SSSR* [Proceedings of the Altai Department of the Geographical Society of the USSR], no. 11, pp. 45-74.
- Hud'akov Yu.S., 1997. Novye nahodki hunnskogo vremeni iz mogil'nika Ust'-Yedigan v Gornom Altae [New Finds of the Xiongnu Period from the Burial Ground of Ust-Edigan in Gorny Altai]. *Istochniki po istorii Respubliki Altay* [Sources on the History of the Altai Republic]. Gorno-Altaysk, GAISI, pp. 145-155.

Hud'akov Yu.S., 1998. Raskopki mogil'nika Ust'-Yedigan v 1990 godu [Excavations of the Ust-Edigan Burial Ground in 1990]. *Voprosy arheologii Severnoy i Central'noy Azii* [Issues of Archeology of North and Central Asia]. Kemerovo, Gur'evsk, KuzSTU, pp. 160-206.

Shul'ga P.I., 2003. Mogil'nik Gilevo-10 kak pam'atnik finala ranneskifskogo vremeni [Gilevo-10 Burial Ground as a Monument of the End of the Early Scythian Time]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories], vol. IX, pt. 1. Novosibirsk, IAE SB RAS, pp. 521-527.

Information About the Authors

Nikolay N. Seregin, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Altai State University, Prosp. Lenina, 61, 656049 Barnaul, Russian Federation, nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

Sergey S. Matrenin, Candidate of Sciences (History), Researcher, Altai State University, Prosp. Lenina, 61, 656049 Barnaul, Russian Federation, matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

Информация об авторах

Николай Николаевич Серегин, доктор исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, 656049 г. Барнаул, Российская Федерация, nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

Сергей Сергеевич Матренин, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, 656049 г. Барнаул, Российская Федерация, matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>